

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи¹⁾.

ГЛАВА III.

Им. Гофцумберге.—Забастовки батраковъ.—Сожженіе замка „Абгунстъ“.—Повстанскій генераль „Иванъ-Чортъ“.—Облава на „главныхъ агитаторовъ“.—Пожаръ въ им. „Грингофъ“.—Убіеніе судебного пристава.—Взрывъ на дорогѣ.

Гофцумберге, одно изъ крупнѣйшихъ имѣній Курляндской губерніи, принадлежитъ гр. Палену. Дѣдъ его Петръ-Людвигъ (Алексѣевичъ), военный губернаторъ Петербурга, пользовался неограниченными милостями Павла I, получилъ графскій титулъ и помѣстье (1799 г.), наконецъ,—чѣмъ увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи—„присутствовалъ (съ Зубовымъ) при смерти Императора. При Александрѣ I онъ былъ устраненъ отъ всѣхъ дѣлъ. Въ тѣ далекія времена, когда страна не была еще завоевана нѣмцами, на лѣвомъ берегу р. Терветъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ теперь мыза, стояла крѣпость Тарветенъ, построенная латышами въ защиту отъ набѣговъ литовцевъ; она долго служила и оплотомъ язычеству. Разрушилъ ее Вальтеръ фонъ Нордекъ и вблизи, противъ нея, на высокой крутой горѣ поставилъ замокъ (1275 г.) Гейлигенбергъ. Изъ него крестоносцы вели систематическія нападенія на семгаловъ²⁾ и крѣпости ихъ въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

²⁾ Семгалия, восточная часть теперешней Кур. г. Въ XIII в. здѣсь находился русскій городъ Герсике; первое извѣстіе о немъ относится къ 1203 г.; 1209 г. онъ былъ взятъ рыцарями и подчиненъ рижскому епископу. Съ XIV в. о немъ уже нѣтъ свѣдѣній, дальнѣйшая его судьба неизвѣстна, а равно и точно мѣсто, гдѣ онъ именно стоялъ, гдѣ-то на Двинѣ, вблизи г. Крейцбурга.

Добеленъ и Раденъ; послѣ онъ былъ любимымъ мѣстопробываніемъ курляндскихъ герцоговъ. Дѣйствительно, окрестности Гофцумберге на рѣдкость красивы. Высокія горы, громадныя лѣса, рѣка съ скалистыми берегами. Особенно любилъ замокъ самый славный изъ герцоговъ Іаковъ; онъ много заботился о внутреннемъ устройствѣ страны и поднятіи ея благосостоянія, въ конецъ подорваннаго при медленной агоніи ордена; онъ строилъ фабрики, развивалъ торговлю, завелъ свой даже флотъ; основалъ колоніи на берегу Гамбін и на ос. Табаго. Наконецъ расширилъ и владѣнія самой Курляндіи, присоединеніемъ Пильтенскаго округа ¹⁾. Время его управленія—лучшая страничка исторіи края, полной лишь мрачныхъ драмъ, страшнаго угнетенія поработченнаго народа и безконечныхъ войнъ со всѣми ихъ ужасами для мирныхъ жителей.

И замокъ Гейлингенбергъ, построенный, можетъ быть, изъ камня разрушенной кр. Тарветенъ, не избѣгъ ея же участи, но его только время превратило въ развалины, довольно хорошо еще сохранившіяся. Онѣ напоминаютъ теперь о быломъ могуществѣ державнаго ордена и о курляндскихъ герцогахъ, вассалахъ Польши. Первоначальное названіе замка, когда именно—намъ неизвѣстно, замѣнилось Гофцумберге. Теперь на мѣстѣ Тарветенской крѣпости стоитъ большое строеніе, обнесенное высокимъ частоколомъ, назначенное спеціально для развода фазановъ. Молодое поколѣніе ихъ охраняется штатомъ прислуги. Вообще лѣса, принадлежащія имѣнію, изобилуютъ дичью—масса фазановъ, козъ; ихъ тщательно оберегаютъ, заботятся, на зиму заготавливаютъ сѣно. Козы приходятъ въ паркъ и гуляютъ себѣ безъ всякаго опасенія. Да, хорошо живется дичи въ Гофцумберге; пожалуй, лучше, чѣмъ батракамъ

Но и теперь здѣсь есть свой „Шлоссъ“, стоящій у подножья горы съ развалинами—это помѣщичій домъ—длинное низкое деревянное зданіе самой простой архитектуры, но все-таки величаемое „замкомъ“. Въ стѣнахъ его только находилась обширнѣйшая бібліотека; множество рѣдкихъ книгъ, цѣнныхъ изданій на всѣхъ евр. языкахъ, собраніе гравюръ и пр. Боясь пожара, владѣлецъ поспѣшилъ перевезти ее (при насъ) въ болѣе надежное помѣщеніе въ другомъ своемъ богатѣйшемъ имѣніи—Гроссъ-Эккау.

Во время пребыванія въ Гофцумберге намъ не пришлось встрѣтить ни одного вооруженнаго повстанца, но вѣсти о ихъ шатаніи

¹⁾ Въ древности мѣстность эта принадлежала Давіи; самый г. Пильтенъ основанъ въ 1295 г., былъ резиденціей кур. епископовъ; нынѣ заштатный городъ Виядавскаго у. Замокъ его, основанный 1220 г., въ развалинахъ, къ Пильтенскому округу принадлежалъ и г. Газенпотъ.

по лѣсамъ шли отовсюду. Хотя съ уходомъ казаковъ они уже „громадными толпами“ не подходили къ мызѣ, не стрѣляли, не беспокоили насъ ничѣмъ, тѣмъ не менѣе мы по ночамъ старательно оберегали свою „позицію“, оказавшуюся недурною для обороны. Иногда въ лѣсу раздавались одиночные выстрѣлы, приводившіе въ смущеніе администрацію—она думала, что повстанцы стрѣляютъ, желая насъ держать въ тревогѣ. Эти выстрѣлы свидѣтельствовали о томъ, что въ лѣсахъ дѣйствительно шатаются, а главное, что нарушается § 7 „Временныхъ правилъ“, запрещающій въ Курляндіи охоту. Генераль-губернаторъ, какъ говорили, оштрафовалъ на 600 р. одного барина за убійство двухъ куропатокъ на охотѣ; по отношенію-же латышей-повстанцевъ власть его была бессильна, и браконьерствовали они себѣ на свободѣ, подстрѣливая довѣрчивыхъ графскихъ козъ.

При частыхъ разъѣздахъ небольшими командами ни въ одну изъ нихъ не послѣдовало выстрѣла. Но повстанцы, и вооруженные, были, это не подлежало сомнѣнію и доказывалось и фактами. Прежде всего бросалось въ глаза то обстоятельство, что по дорогамъ и на поляхъ никого не было видно—мужское населеніе какъ бы отсутствовало. Въ Гофцумберге большая часть батраковъ осталась и продолжала работать, хотя между ними, какъ и повсюду, велась агитація и были попытки силою принудить къ забастовкѣ. Въ этомъ имѣніи проявляется бѣлая забота о рабочихъ, что и не замедлило принести плоды въ видѣ ихъ усердія. Въ сосѣднемъ, напр., большомъ имѣніи были иныя условія, и всѣ батраки разбрелись, „забастовали“. Перезрѣвшій хлѣбъ высыпался на поляхъ, и урожай погибъ. Владѣлица, когда началась забастовка, обратилась къ властямъ съ просьбою прислать казаковъ и „нагайками заставить батраковъ работать“.

Говорили, что въ окрестныхъ лѣсахъ есть правильно организованная и недурно вооруженная шайка подъ предводительствомъ какого-то Веллу-Ансыса (Иванъ-Чортъ). Изловить его было пламеннымъ вождедѣніемъ полиціи. Но что она съ помощью драгунъ ни предпринимала, все было напрасно. А между тѣмъ этотъ Иванъ-Чортъ появлялся сегодня здѣсь, завтра тамъ и „пошаливалъ“.

Не далеко отъ Гофцумберге стоялъ замокъ „Абгунстъ“. Намъ пришлось видѣть его уже послѣ пожара; судя по уцѣлѣвшимъ стѣнамъ, это было очень красивое зданіе. Говорили, что по внутреннему его убранству, по собранію рѣдкихъ вещей, а, главное, оригинальныхъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ, онъ представлялъ громадную цѣнность.

Въ глухую ночь въ окно начали стучать. Перепуганная эконо-

номка спросила: „Кто-тамъ?“.—„Это я, Веллу-Ансысъ. Отворяй скорѣе, а не то“... послѣдовалъ каскадъ угрозъ. Приказаніе было исполнено. Въ окно влѣзло нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ и разбрелось по комнатамъ, строго приказавъ подъ угрозою смерти молчать. Они сложили костры изъ портьеръ, фамильныхъ портретовъ, чудныхъ картинъ, драгоценной мебели и одновременно подожгли. Иванъ-Чортъ „съ товарищами“ не тронули, по показанію прислуги, ничего; не соблазнили ихъ дорогіе серебряные сервизы и пр. Убѣдившись, что огонь хорошо разгорается, поджигатели вышли и оставались вблизи, пока пожаръ основательно не уничтожилъ замка. Они пѣли революціонныя пѣсни, играли на какомъ-то инструментѣ и только къ утру отправились отдыхать въ сосѣднюю усадьбу. Кромѣ того въ ту ночь они же сожгли въ имѣніи три хлѣбныхъ сарая. Вблизи замка живутъ батраки, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ, чтобы спасти вещи или въ чемъ-либо противодействовать злоумышленникамъ. Эти батраки показывали на слѣдствіи, что боялись мести Веллу-Ансыса; вѣрнѣе, они сочувствовали его работѣ. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ мы вынесли, присутствуя на допросѣ.

Изъ Гофцумберге въ Грингофъ ѣхали гимназистъ 7-го класса и дѣвушка. Въ лѣсу имъ заступилъ дорогу благообразной наружности среднихъ лѣтъ человѣкъ съ винтовкою въ рукахъ, какими вооружена наша армія, и съ пашкою драгунскаго образца черезъ плечо.

Задолго еще до описываемыхъ событій по войскамъ Виленскаго округа послѣдовалъ секретный приказъ строго слѣдить за цѣлостью оружія въ виду того, что во многихъ полкахъ уже было обнаружено похищеніе его. Въ гарнизонѣ, напр., одного города, какъ говорили, украдено было около 400 винтовокъ. Похищалось оружіе и въ частяхъ, расквартированныхъ въ очень отдаленномъ разстояніи отъ Прибалтійскаго края. Это обстоятельство служитъ объясненіемъ, откуда у повстанцевъ могли быть винтовки и шашки.

Поведительно поднявъ руку, человѣкъ тотъ крикнулъ по-латышски „Стой!“ Гимназистъ повиновался. Латышъ началъ подробный допросъ, откуда, куда и зачѣмъ и не бароны ли они. Получивъ на томъ же языкѣ отвѣты и заявленіе, что они ничего общаго съ потомками рыцарей не имѣютъ, латышъ смягчился и посоветовалъ ѣхать обратно, такъ какъ „дорога не безопасна—по ней шатаются драгуны“. Путники просили позволенія все-таки ѣхать впередъ. Позволеніе послѣдовало. Но предварительно, человѣкъ, облокотившись на кабриолетъ, вступилъ въ бесѣду съ гимназистомъ. Прежде всего онъ заявилъ, что состоитъ предводителемъ возстав-

шихъ мѣстныхъ латышей, что подѣ его начальствомъ много офицеровъ, что самъ онъ—генераль... Веллу-Ансысъ. Затѣмъ онъ въ мрачныхъ краскахъ представилъ тяжелое положеніе народа, столько вѣковъ страдавшаго подѣ гнетомъ „этихъ трутней“. „Когда мы ихъ выкуримъ, устроимъ свое отечество на правахъ широкой свободы, всѣ будутъ равны, сыты и счастливы“ и т. д. Такъ повѣствоваль на эту тему генераль довольно долго и видимо, не спроста—желая увлечь юношу, завербовать. Гимназистъ передаваль намъ о встрѣчѣ съ предводителемъ тотчасъ по возвращеніи домой, подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и въ его словахъ звучали нотки, свидѣтельствовавшія, что рѣчь генерала не совсѣмъ пропала даромъ.

Предводитель шайки поджигателей, страстно говорившій о полномъ равенствѣ, объ учрежденіи на разрушенныхъ баронскихъ гнѣздахъ чуть не рая на землѣ, не безъ гордости величалъ себя „генераломъ“ и былъ одѣтъ такъ: чрезъ плечи его превосходительства Ивана-Чорта красовалась широкая красная лента (какой же генераль безъ ленты!), на плечахъ—нѣчто въ родѣ эполетъ, тоже красныхъ, и такого же цвѣта затѣйливая кокарда на шапкѣ. Таковъ ужъ человекъ—трудно ему отрѣшиться отъ слабостей и устроить на землѣ даже приблизительное равенство!

Итакъ Веллу-Ансысъ (по слухамъ, рабочій изъ Риги) дѣйствительно существоваль и „оперироваль“ въ округѣ.

Полиціи сдѣлалось извѣстно, что въ лѣсу „Деге“ на одинъ изъ дней назначено собраніе агитаторовъ. Послѣдоваль приказъ эскадрону совмѣстно съ ротою пѣхоты (изъ Грюнгофа) оцѣпить лѣсъ и переловить. На облаву пріѣхаль уѣздный начальникъ. Составленъ былъ планъ, державшійся въ строжайшемъ секретѣ, какъ и самое выступленіе. Въ назначенный часъ выступили съ расчетомъ, чтобы подойти къ лѣсу въ одно время съ разныхъ сторонъ. Не успѣлъ эскадронъ отойти и двухъ верстѣ отъ Гофцумберге и свернуть на дорогу, выясняющую направленіе, какъ не вдалькѣ въ лѣсу раздався выстрѣлъ, а чрезъ минуту—другой, далеко въ той сторонѣ, куда шли. Сигнальные выстрѣлы. Замыселъ былъ обнаруженъ. Когда вышли на открытое мѣсто, откуда былъ виденъ лѣсъ „Деге“, замѣтили, какъ нѣсколько человекъ спѣшно уходили изъ него въ разныя стороны. Разсыпанные всадники съ трехъ сторонъ окружили лѣсъ, съ четвертой должна была подойти пѣхота и пройти его цѣпью. Видно было, какъ на опушку выбѣжали, было, пять „агитаторовъ“ съ винтовками, но юркнули обратно.

Пѣхоту пришлось ждать долго. Оказалось, цѣпь сбилась съ направленія и вышла въ другую сторону. Ее пришлось повернуть назадъ. Между тѣмъ полилъ такой страшный ливень, какой и на югѣ

не приходилось видѣть—предъ глазами буквально низвергались цѣлые потоки воды съ примѣсю града и положительно мѣшали что-либо видѣть. Этимъ обстоятельствомъ, видимо, хотѣли воспользоваться латыши; многіе вѣрно и успѣли, но 4 изъ нихъ наткнулись на отдѣльно поставленный постъ драгунъ въ сторонѣ и были пойманы. Ими и ограничились наши трофеи. Ужасный дождь, о которомъ трудно, не испытавъ на себѣ, составить понятіе, ослабилъ наблюденіе. Лошади тотчасъ же повернули задомъ къ хлеставшему до боли дождю, и никакія усилія не могли заставить ихъ стоять въ желаемомъ направленіи. Латышамъ благопріятствовали перелѣски и мелкіе кустарники, группами разбросанные по окрестности, но ливень миновалъ. Пѣхота, исправляя ошибку, прошла весь лѣсъ и поймала еще одного дурно одѣтаго крестьянина. Среди лѣса видѣли помость-трибуну, съ котораго ораторъ вдохновлялъ на подвиги слушателей.

Въ Грингофѣ, вблизи котораго лежитъ „Деге“, какъ бы въ отместку за арестъ агитаторовъ, подожженъ былъ сарай съ многими (и послѣдними) тысячами пудовъ клевера. Одновременно разразилась гроза; молнія, почти не переставая, озаряла небо краснымъ огнемъ, сливаясь съ огромнымъ заревомъ свирѣпствовавшаго пожара. Его такъ и не въ силахъ былъ потушить начавшійся снова дождь.

Промокшіе до костей, мы заѣхали въ Грингофъ. Изъ него уже всѣ разбѣжались, даже управляющій. Остался лишь его помощникъ самоотверженно охранять имущество своей патронессы.

Не успѣли мы усѣться за чай, какъ появился встревоженный урядникъ съ докладомъ, что около одной усадьбы найденъ трупъ судебного пристава. Дознаніе выяснило послѣ обстоятельства. Судебный приставъ пріѣхалъ для какого-то небольшого взысканія. Хозяинъ-латышъ встрѣтилъ его радушно, угостилъ обѣдомъ и выпивкой—латыши гостепріимны. Приставъ, просидѣвъ довольно долго, собрался уѣзжать, но не отѣхалъ и сотни шаговъ, какъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ ружья скрывавшимися около самой дороги въ ячменномъ полѣ злоумышленниками. Выйдя изъ засады, они добились его, выбросили изъ телѣги и спокойно разошлись. Тѣмъ временемъ, какъ довѣрчивый чиновникъ попивалъ себѣ пиво, сыновья „радушнаго“ хозяина собрали кой-кого и устроили предательскую засаду. Дня черезъ два полиція съ драгунами осмотрѣла всѣ закоулки усадьбы, разыскивая сыновей, и не нашла. Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось послѣ, преблагополучно отсидѣлся въ душлѣ старой вербы.

Повстанцы подожгли хлѣбный сарай въ одномъ изъ подмызковъ (фольваркѣ, принадлежащій къ имѣнію-мызѣ). На пожаръ поска-

кази лѣсничій, объѣздчикъ и рабочій—и были убиты въ лѣсу изъ засады. Приводимъ эти два случая, какъ иллюстрацію.

На другой день эскадронъ возвращался въ Гофцумберге. Утро послѣ грозы было прекрасное. Медленно мы приближались именно къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ повстанцы стрѣляли въ судебного слѣдователя и казаковъ. Впередѣ по обыкновенію шелъ дозоръ изъ четырехъ драгунъ. Такъ какъ здѣсь приходилось проходить уже много разъ и всегда безъ приключеній, то къ этому мѣсту перестали относиться съ опасеніемъ, хотя оно дѣйствительно—удобнѣйшее для засады. По дорогѣ показались двѣ подводы. Когда дозоры поравнялись съ ними, раздался взрывъ и все исчезло въ облакъ дыма. Успѣли только замѣтить, какъ два человѣка бросились въ лѣсъ. Черезъ минуту дымъ началъ разсѣиваться. Дозоры карьеромъ неслись къ эскадрону. Или это былъ залпъ, или въ солдатъ брошены бомбы. Подводы, повидимому, невредимыя стояли на дорогѣ. Къ повозкамъ подъѣхали осторожно. На передней сидѣли двѣ женщины ни живы, ни мертвы, потерявшія способность говорить. На задней лежалъ большой деревянный шкафъ, изъ него выходилъ дымъ.

Насъ начальство предупреждало, что повстанцы часто развозятъ оружіе въ банды, маскируя его всевозможными способами. Въ одномъ мѣстѣ латыши везли гробъ и пѣли псалмы. Когда недоувѣрчивый урядникъ полюбозытствовалъ взглянуть на покойника и сбиль крышку, въ немъ оказались ружья. Между тѣмъ изъ лѣсу вышли два латыша. Лицо одного показалось намъ знакомымъ—это былъ „вагаръ“ (wagare), экономя тогѣ имѣнія гдѣ Веллу-Ансыстсжегъ замокъ; онъ везъ своей госпожѣ кой-какія вещи женщины-служанки. Съ большими предосторожностями, боясь повторенія взрыва, заставили его открыть шкафъ. Стоя въ почтительномъ отдаленіи, приподнявшись на стременахъ, заглянули въ него. Первое, что бросилось въ глаза,—ружья, пистолеты. И снова родилось подозрѣніе. Послѣ болѣе внимательнаго осмотра увидѣли, что оружіе старинное. Далѣе въ шкафу были книги, семейный портретъ и много патроновъ лефаше. Колесо телѣги вѣроятно наскочило на камень; отъ сильнаго толчка ружейный стволъ ударилъ по игolkъ патрона—онъ выстрѣлилъ, взорвались другіе и порохъ въ большой жестянкѣ—она еще дымилась.

Какое совпаденіе! взрывъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ повстанцы стрѣляли, въ тотъ моментъ, когда съ повозкою поравнялись дозоры.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

